

О. И. Костикова²

ЦЕННОСТНЫЕ КОНСТАНТЫ ПЕРЕВОДА В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР

Аксиологический подход занимает особое место в современных научных исследованиях. Интерес к данному подходу и его возможностям был вызван преобразованиями социокультурного пространства на фоне новых вызовов, обусловленных рядом обстоятельств.

Так, по мнению ученых, следствием утвердившейся в 1990-е годы модели глобализации стали «безразличие к высоким смыслам и ценностям жизни», «процесс институционального расчеловечивания». Принципы, на которых основывалась модель экономики этого периода, способствовали высвобождению низких человеческих инстинктов, формированию различных психологических и физических патологий. Как следствие — пренебрежение идеальным, его очернение и высмеивание, подмена культуры³. Многие плоды глобализации оказались отравлены, и сегодня это проявляется со всей очевидностью.

Второе обстоятельство, о котором следует упомянуть в интересующем нас контексте, — переход общества к цифровой эпохе. Эти преобразования носят революционный характер и затрагивают все стороны общественной жизни — от развития социальных институтов до организации повседневной жизни и социализации личности, разные виды искусства, различные виды профессиональной деятельности. Возникают вопросы о том, как осуществить цифровой переход со всеми вытекающими последствиями для безопасности,

суверенитета и качества жизни, каким может быть результат этого перехода, какое общество возникнет в результате этих перемен и изменится ли человечество⁴. Оценивая перспективы цифровой трансформации, эксперты отмечают высокую вероятность деградации человеческого интеллекта, проявляющейся в клиповом мышлении, интеллектуальной зависимости от техники (передача функции памяти разным электронным устройствам), стирании грани между действительностью и иллюзией, формировании неадекватного представления о мире, заимствовании ценностей и потребностей из цифровых шаблонов и т. п.⁵

На фоне этих процессов научное сообщество стремится к выявлению, определению, оценке и систематизации ценностей, которые релевантны для человечества сегодня и окажутся определяющими для его дальнейшего развития.

Аксиологический подход занимает центральное место в гуманистической парадигме образования и воспитания, где человек рассматривается как высшая ценность, а его благополучие — как цель общественного развития.

С незапамятных времен переводами с одного языка на другой занимались люди. Презрев «вавилонское проклятие», переводчики приходят на помощь человечеству. Они беспрестанно наводят мосты между народами, расами, культурами и континентами, преодолевая разобщенность, оказываясь жизненно важным связующим звеном в длинной цепи передачи знаний между народами, разделенными языковыми барьерами. Между прошлым и настоящим. Переводчикам подвластны пространство и время. Благодаря им ключевые тексты — научные, философские, художественные — обретают универсальность. Многоязычие и культурное разнообразие оказываются не возмездием свыше роду человеческому, возгордившемуся своими именно *технологическими* возможностями, а ценнейшим даром. Ведь, как утверждал Н. С. Трубецкой, «единая, общечеловеческая, лишенная всякого

² Заместитель директора Высшей школы перевода (факультета) МГУ им. М. В. Ломоносова по научной работе, заведующая секцией французского языка и перевода кафедры теории и методологии перевода, кандидат филологических наук, доцент. Автор более 100 научных и учебно-методических публикаций, переводов научной и художественной литературы, в т. ч.: «Наука о переводе сегодня» (в соавт.), «История перевода. Практика, технологии, теории. Очерки по истории перевода» (в соавт.), «Москва переводческая» (в соавт.) и др. Заместитель главного редактора журнала «Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода», член редколлегии международного научного журнала «Babel: Revue internationale de la traduction» и др. Член Всемирной ассоциации преподавателей устного и письменного перевода (WITTA), Междисциплинарного центра научных исследований и подготовки кадров (Interdisciplinary center on Research and Training), Постоянного совета университетских институтов подготовки переводчиков (CIUTI). Награждена орденом «Академическая пальмовая ветвь» (Франция).

³ Агеев А. И. Насколько Россия подготовлена к вызовам XXI века // Независимая газета. 2019. 14 янв.

⁴ См.: Гарбовский Н. К., Костикова О. И. Интеллект для перевода: искусный или искусственный? // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2019. № 4. С. 3–25.

⁵ К «цифре» готов? Оценка адаптивности высокотехнологического комплекса России к реалиям цифровой экономики : итоговый докл. М. : ИНЭС, 2018. С. 19–21.

индивидуального, национального признака культура чрезвычайно односторонняя: при громадном развитии науки и техники... полная духовная бессодержательность и нравственное одичание», но благодаря закону многообразия национальных культур «становится возможным возникновение у разных народов культурных ценностей, морально положительных и духовно возвышающих человека»¹. Эту возможность и дарят человечеству переводчики: открывая новые горизонты и расширяя кругозор, они помогают обходить препоны языковых и культурных различий и лучше понимать мир, ценить его многообразие.

Д. С. Лихачев справедливо полагал, что интерес и доброе отношение к чужой культуре возникает только из «любви к родному», которая «постепенно расширяясь... переходит в любовь к своей стране — к ее истории, ее прошлому и настоящему, а затем ко всему человечеству, к человеческой культуре». Именно поэтому, — подчеркивает ученый, — «воспитание любви к родному краю, к родной культуре, к родному селу или городу, к родной речи — задача первостепенной важности»². Очевидно, что только человек, проникнутый любовью к родному слову и родной культуре, в состоянии с успехом выполнять важнейшую миссию переводчика, о которой было сказано выше.

Вместе с тем если любовь к родному учит любить и принимать чужое, то верно и то, что через чужое происходит осознание себя: «самобытность в своей историчности строится через контакт с иным»³. Об этом писал еще Лейбниц, размышляя о возможностях родного языка: «перевод хороших книг оказывается истинным пробным камнем, на котором проверяются богатство или бедность языка, по тому, насколько он гибок для перевода»⁴. Лихачев подчеркивает, что мир русской культуры необычайно богат именно благодаря ее восприимчивости: богатство русского языка обусловлено тем, «что он создавался на громадной территории, чрезвычайно разнообразной по своим географическим условиям, природному многообразию, разнообразию соприкосновений с другими народами, наличию второго языка — церковно-славянского... В русское языковое сознание, в мир, увиденный русским языковым сознанием, вошли понятия и образы *мировой* литературы, *мировой* науки, *мировой* культуры — через живопись, музыку, переводы, через языки греческий и латинский»⁵. В другой работе он приводит пример иного рода, подтверждающий живительную роль межкультурных контактов для укрепления своей идентичности: некогда запрещенные произведения русских авторов становились сначала достоянием зарубежья и от-

туда, признанные и прославленные, возвращались на Родину. «Наша литература, наше искусство обогатили мировую культуру, стали катализатором общественной и духовной жизни. Так литература и искусство зарубежных стран воздействуют на нашу культуру, обогащая нас духовно, эстетически», — заключает ученый⁶.

Культуротворческая сущность перевода, таким образом, очевидна, а над ее воплощением трудятся сами люди — переводчики — «почтовые лошади просвещения», как запечатлено в емком образе великого русского поэта.

Однако история свидетельствует, что перевод — один из самых древних и постоянно востребованных во все века видов интеллектуальной деятельности, тем не менее, не получил однозначной оценки общества. На протяжении многих веков человеческое общество, регулярно потребляя плоды переводческой деятельности во всех сферах общественной жизни — в политике и дипломатии, в науке и религии, в искусстве и военном деле, — не уставало упрекать переводчиков в неточности, неверности и даже предательстве⁷.

Сегодня, как и прежде, переводчик в общественном мнении нередко расценивается как человек, осуществляющий некую вспомогательную деятельность по предоставлению «коммуникативных услуг». Для выполнения этой функции якобы не требуется много интеллектуальных усилий, собственных мыслей, способности принимать самостоятельные решения. Рассуждая о значении перевода для современного пространства культуры, исследователи констатируют «теневое, оттесненное, отверженное и подсобное положение перевода» вплоть до «подозрительного», которое отражается и на положении переводчиков⁸. Такая позиция вкупе с активными разработками в области искусственного интеллекта представляет угрозу для искусства перевода, как рода творческой деятельности человека и источника его существования.

В конкурентной борьбе с искусственным интеллектом переводчик-человек может проиграть, ведь у него меньший объем оперативной памяти, нет возможностей сиюминутного доступа к большим базам данных, но даже если бы такая возможность и была, обработка данных заняла бы гораздо больше времени, чем у машины. К тому же обучение и постоянное совершенствование навыков переводчика-человека — процесс крайне ресурсозатратный. Автоматический перевод со всеми изыпаниями оказывается экономически более выгодным.

Поэтому сегодня в науке о переводе на первый план выходят попытки осмыслить и оценить роль человеческого фактора в переводе, разобраться в вопросах деонтологии перевода, построить модели взаимодействия в системе «человек — искусственный интеллект», релевантные для межкультурной коммуникации и создания многоязычных контентов, а также предугадать социальную востребованность в будущем перевода как

¹ Трубецкой Н. С. Вавилонская башня и смешение языков // Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 1999. С. 83–84.

² Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. 2-е изд., перераб. и доп. / сост. и науч. ред. А. С. Запесоцкий. СПб.: СПбГУП, 2015. С. 485.

³ Meschonnic H. *Étique et politique du traduire*. Lagrasse: Éditions Verdier, 2007. P. 120.

⁴ Leibniz G.-W. *Considérations sur les Langues en général & sur la culture de la Langue Allemande en particulier // Esprit de Leibniz ou Recueil de pensées choisies sur la religion, la morale, l'histoire, la philosophie, & c. Extraites de toutes ses œuvres Latines et Françaises*. Lyon: Jean-Marie Bruyset, Imprimeur Libraire. Avec Approbation & Privilège du Roi, 1772. T. 2. P. 229.

⁵ Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 27–28.

⁶ Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 510.

⁷ См.: Костикова О. И. История перевода: предмет, методология, место в науке о переводе // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2011. № 2. С. 3–22.

⁸ Berman A. *L'Épreuve de l'étranger*. P.: Editions Gallimard, 1984. P. 6.

деятельности в целом и человека-переводчика в частности.

Общим для этих исследований, дебатов и разысканий оказывается понятие ценности перевода, представление о переводе как о благе, вопрос о реализации ценности перевода — его полезности, о приемлемости его качества и вариативности оценки.

Кто такой переводчик — заурядный билингв, буквалист, покорно следующий букве в отсутствие писательского дара; предатель-перелагатель, искажающий текст оригинала, уничтожающий его дух в силу своей убогой компетенции; или всесторонне образованный интеллектуал, лингвист, этнограф, философ, психолог, историк и мастер слова, «который от творца лишь именем разнится», необходимое и незаменимое звено в цепи межъязыковой и межкультурной коммуникации?

Н. К. Гарбовский определяет перевод как «общественную функцию коммуникативного посредничества» в определенной ситуации и для определенных целей¹. Социальная функция перевода состоит в «утолении информационного голода» и преодолении «коммуникативного дискомфорта», вызванного невозможностью понять другого в силу различия коммуникативных кодов в условиях двуязычной коммуникации². Но переводчик не имеет этического права вести себя как обыкновенный «коммуникант» (читатель или слушатель). Переводчик — это психолог, исследователь, историк, этнограф, литературовед, философ, который должен увидеть в тексте, в сообщении именно то, что зашифровал в знаках языка автор³. Где знак — там и идеология, — писал Бахтин — «мы, в действительности, никогда не произносим слова и не слышим слова, а слышим истину или ложь, доброе или злое, важное или неважное, приятное или неприятное и т. д. Слово всегда наполнено идеологическим или жизненным содержанием и значением»⁴. Для перевода это одновременно и вызов, и возможности. Какова бы ни была степень переводимости материала, с которым работает переводчик, это никогда не освобождает его от функции критика, которая обуславливает качество его работы.

Эта функция включает в себя две задачи: помимо анализа собственно *содержимого* (воплощенного в единстве формы и содержания), того, что переводится и во что это затем выливается, переводчик должен определить *точку зрения* на каждый из этих текстов в соответствии с той сферой социальной практики, в рамках которой и для которой осуществляется перевод (техническая, правовая, медицинская, образовательная, политическая и т. д.). Точка зрения, основное понятие герменевтики, предполагает обязательное для критической позиции *дистанцирование*. Залогом же ограничения субъективной предвзятости, своего рода *гарантией*, в таком случае становится опора на предшествующие корпусы ценных и значимых текстов на

¹ Гарбовский Н. К. Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. С. 214.

² См.: Гарбовский Н. К., Костикова О. И. Перевод и общество // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2018. № 1. С. 17–40.

³ Гарбовский Н. К. О переводе. М.: Форум, 2016. С. 593.

⁴ Бахтин М. М. (под маской) Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. М.: Лабиринт, 2000. С. 406.

двух языках. Дуализм точки зрения и гарантии, обеспечивающей ее непредвзятость, определяет ценность перевода, превращая его в подлинное творение⁵.

Конечно, тенденция сводить текст оригинала к «источнику», а текст перевода — к «цели» по-прежнему распространена среди адептов информационной проблематики, как и стремление видеть в переводе своего рода диалог или компромисс между двумя существующими системами ценностей — среди последователей коммуникативной парадигмы. Но перевод не просто переход от одной системы представлений или убеждений к другой, от одной идеологии к другой: он отстоит от них на равной дистанции и открывает новое пространство, обогащая корпус обоих задействованных языков. Если же переводчик отказывается от своей функции критика и не выдерживает необходимой дистанции, то он лишь конкретизирует уже сложившуюся систему убеждений: такой перевод Растье называет идеологическим⁶.

Проблема соотношения содержимого и ценности перевода проявляется с очевидностью, когда речь заходит о недостатках машинного перевода: ограниченность лишь содержимым текста в отсутствие точки зрения и гарантий, о которых было сказано выше, лишает такой перевод ценности. Обратная сторона медали — тенденциозные переводы, которые стремятся навязать некритическую точку зрения: независимо от степени ее политической корректности она есть не что иное, как насилие над текстом оригинала и истощение его перевода.

«Неуловимая» идеология вездесуща, ее особенность в том, что у нее нет каких-либо специальных маркеров, как иногда полагают, анализируя различные типы дискурсов. Конечно, можно приводить в пример слова, наполненные символическим смыслом или образностью, но не менее важным оказывается то, что смысл того или иного текста зачастую формируется не словами — слова может перевести и машина, — а их отсутствием. Отсутствие тех или иных слов в тексте говорит о многом и объясняться может и тем, что автор их избегает, и рядом других факторов. Так, рассуждая о культурном смысле, культурном опыте, без которых невозможно создание произведений искусства, А. С. Запесоцкий высказал принципиально важное для методологии перевода предположение: «возможно, концептосферы и конкретно взятого художественного текста, и его автора, и читателя состоят из множества отдельных концептов, каждый из которых есть не только „изреченное“ нечто, нашедшее конкретное словесное воплощение на национальном языке, но и „подразумеваемое“ — потенциально заложенное, но не вполне осмысленное, возможно, даже самим автором, для чего и слова-то просто может быть не найдено»⁷. Для перевода значимо и сказанное, и не высказанное: ценность текста сообразна его «деонтологии».

Переводческая практика зависит от состояния словесности народа, на язык которого осуществляется

⁵ Rastier F. Préface // *Idéologie et traduction*. Sous la direction d'Astrid Guillaume. P.: L'Harmattan, 2016. P. 7.

⁶ Ibid.

⁷ Запесоцкий А. С. Культурология Дмитрия Лихачева. 3-е изд. СПб.: СПбГУП, 2022. С. 138.

перевод, в конкретную историческую эпоху, от общественного мнения о красивом и уродливом, верном и неверном, нужном и ненужном. В подходах к оценке качества перевода, верности и точности существуют цикличность и мода, одни и те же решения в разные эпохи могли оцениваться по-разному, а иногда и противоположно. Противоречие, возникающее при оценке деятельности переводчиков, пронизывающее всю ее историю, можно объяснить как онтологической дихотомией переводческой деятельности, так и противоречием общего и частного — двух сторон категории качества. Конкретные ошибки переводчиков во все времена подвергались жесткой критике, удачные переводческие решения вызвали восхищение. Но переводческие ошибки и удачи в историческом освещении предстают как частные случаи. С течением времени о них забывают, и в общественном сознании сохраняется лишь общее представление о переводе и его социальной значимости. Таким образом, вариативность оценки перевода противопоставлена его ценностным константам.

Переводческая деятельность действительно представляется как одна из важнейших общественных функций, обеспечивающих жизнедеятельность многоязычного и поликультурного человеческого общества. Коммуникация как одно из важнейших средств существования общества без перевода часто оказывается весьма затрудненной или даже невозможной.

В этой связи негативные суждения о переводчиках представляют интерес не столько как характеристика переводческой деятельности в общем, сколько как отражение прочно укоренившегося критического отношения к каждому частному акту перевода, как напоминание о неизбежности комментариев и критических замечаний, разборов и рассуждений, которые он неизбежно влечет за собой. Онтологически перевод представляет собой «вторичный» объект, что, с одной стороны, порождает вопросы о его соответствии «первичному» объекту, а с другой — априори накладывает на него печать второсортности. Это противоречие общего и частного во взгляде на переводческую деятельность особенно отчетливо проявляется при обращении к истории перевода, которая хранит имена великих людей, оказавших весьма существенное воздействие на развитие человеческой цивилизации¹.

Личность переводчика играет ключевую роль: именно благодаря сложнейшей интеллектуальной психофизической деятельности человека в переводе возникает то, что можно было бы назвать *добавленной ценностью*, — положительное значение для человека, общества, культуры, появившееся в результате переводческой деятельности с точки зрения ее способности удовлетворять латентные или скрытые потребности, порождать инновации, быть катализатором прогресса. И ценность перевода, и его добавленная ценность — это та роль, которую играет или может играть перевод в жизнедеятельности человека и общества с точки зрения его потребностей, интересов и целей. Однако если ценность перевода связана с удовлетворением конкретных потребностей и ожиданий от перевода с точки зре-

ния его непосредственной функции, осознаваемой обществом, то добавленная ценность связана с эффектом неожиданности, оцениваемой положительно и не связанной непосредственно с задачами коммуникативного посредничества, решаемыми в каждом конкретном акте перевода. Добавленная ценность — всегда сопутствующее, но зачастую первостепенное свойство перевода, которое проявляется в виде констант перевода в историческом осмыслении, не как конкретного акта межъязыковой коммуникации, а как явления, способствующего установлению диалога или разрешению конфликта культур.

К добавленным ценностям можно отнести все то, что составляет великую цивилизаторскую миссию перевода: письменотворчество, распространение и развитие религий, совершенствование словесности, передачу научных знаний, развитие государственности в условиях двуязычия, умножение очагов культуры, поддержание и распространение духовных ценностей и т. п. В современном мире, переживающем эпоху «больших данных», переводчик оказывается одним из важнейших звеньев общей информационной системы, генерирующим *новые* данные. Благодаря деятельности переводчиков общая мировая информационная система пополняется так называемыми межъязыковыми большими данными, то есть многоязычными образами явлений той или иной культуры.

«Перевод был и остается одним из самых значимых и достойных видов посредничества во всеобщем глобальном взаимодействии», — писал Гёте. Похожие мысли высказывал и Гюго, рассуждая о цивилизаторской миссии перевода: «Переводчики служат цивилизации. Они переливают духовную субстанцию от одного к другому. Служат распространению идей. Благодаря им гений одной нации встречается с гением другой нации. Плодотворные сочетания. Ведь новая мысль так же необходима, как и новая кровь». Хайдеггер же считал, что «суть перевода не в том, чтобы облегчать коммуникацию с говорящими на другом языке, а в том, чтобы помочь в решении некоего насущного для всех вопроса. Он служит взаимопониманию в некотором более высоком смысле. И каждый шаг в этом направлении — благословение для народов».

Важнейшая миссия переводчиков оценена сегодня в мировом сообществе на самом высоком уровне: 24 мая 2017 года Генеральная Ассамблея ООН приняла специальную резолюцию, где подтверждается «роль профессионального перевода в сближении народов, укреплении мира и содействии взаимопониманию и развитию». Эта роль в высшей степени ответственна и чрезвычайно актуальна сегодня, ведь как гласит ст. 6 «Декларации прав культуры», разработанной коллективом ученых СПбГУП под научным руководством Д. С. Лихачева: «Культурное сотрудничество, диалог и взаимопонимание народов мира являются залогом справедливости и демократии, условием предотвращения международных и межэтнических конфликтов, насилия и войн»².

Перевод всегда был деятельностью социальной *sui generis* в том смысле, что она востребована, осуществляется и оценивается обществом, вернее, его кон-

¹ См.: Гарбовский Н. К., Костикова О. И. История перевода. Практика, технологии, теории. Очерки по истории перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2021.

² Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 503.

кретными представителями. Социальные связи играют важнейшую роль в профессиональной жизни переводчиков. Функция перевода не определяется формальным анализом исходного текста; она прагматически задается целью межкультурной коммуникации, а качество перевода определяется, помимо лингвистической эквивалентности, многими иными факторами, и прежде всего социальным контекстом, в значительной степени направляющим и регулирующим переводческую

деятельность. Именно от общественных установок будет во многом зависеть, что, как, когда и с какой целью будет перенесено из одной культуры в другую, станет достоянием языка и литературы, развивая и обогащая их или, наоборот, максимально приспособляясь к ним. А быть может, канет в Лету, так и не получив общественного признания, или замрет в ожидании смены культурных ориентиров, общественных установок, политической конъюнктуры и т. п.